

Известия - 1997 - Август - с. 4

Последняя тайна Набокова

Известно, что Владимир Набоков — весьма критически относился к религии и дешевой мистике. Ему было близко шекспировское ощущение жизни как некой загадки, головоломки, шарады, над которой интересно поломать голову в досужее время. Впрочем, разгадка частенько оказывалась довольно злой даже в его романах. В поисках успеха писатель долгое время маскировал свои сокровенные мысли под тот или иной традиционный сюжет. Однако после головокружительного успеха «Лолиты» открылась наконец-то возможность дорогою свободной идти туда, куда влечет свободный ум. Степень свободы нарастала по мере приближения к неизбежному для всех жизненному финалу. Именно в эти годы Набоков написал три романа один загадочней другого. «Бледное пламя», «Ада», «Прозрачные вещи». На русском языке эти романы стали доступны читателю в переводах Сергея Ильина. Однако россиянам сейчас, видно, не до Набокова. Иначе чем объяснить ошарашенное молчание критики после выхода трех романов. Рецензии, конечно, появились, но, скорее, все они носят чисто информационный характер.

Дело в том, что эти вещи намного опережают время и по-настоящему будут поняты в следующем веке. Набокова и раньше никто и никогда не считал писателем современным. Все понимали, что он откуда-то из другого времени и пространства. А может быть, и совсем из другой галактики. Только «Машенька» и «Другие берега» да еще его ностальгическая поэзия как-то привязаны к этой земле. Остальные романы написаны тем самым «агностиком», Цинциннатом, которого даже казнить нельзя из-за полной нематериальности его тела.

Если Набокова интересовало что-то всерьез на протяжении всей его жизни, так это возможность создать такую иллюзию, которую нельзя отличить от реальности. Иногда он называл это игрой в «нетки» или эффектом «камеры обскуры», а в последних романах это образ бледного прозрачного пламени и таких же прозрачных, словно нематериальных вещей. Он даже жизнь свою в последние годы превратил в некую непроницаемую прозрачность (не путать с призрачностью) для окружающих. С одной стороны, о нем вроде бы известно все, а, по сути дела, неизвестно ничего.

Да, он щедро наделил литературных героев свойствами своего характера. Лужин, как Набоков, одержим шахматами и всю свою жизнь видит как серию шахматных этюдов, то красивых, то неудачных. Пнин — тоже биографический образ. Преподает русскую литературу в американской глубинке каким-то оболтусам. Страшно дорожит своим местом и в конечном счете его теряет. О Гумберте ни слова, чтобы не бросить тень на автора; но уж детская-то влюбленность двух тинейджеров, конечно, не выдумка. Бедный агностик Цинциннат, обвиненный всеми в нематериальности, это уж точно Набоков, которого обвиняли все и во всем. Божок русской литературной эмиграции, Адамович отказал Набокову в праве называться русским писателем, поскольку тот же полностью погряз в традициях нашей классики.

Набокову после этого ничего другого не оставалось, как покинуть место казни вместе с Цинциннатом и основать свое незримое королевство в тихой Швейцарии.

«Бледное пламя», где король-изгнанник одновременно профессор литературы в американском захолустье и великий поэт, пишущий свою зеркальную поэму на карточках, — это, конечно, тоже Набоков. Королевство одновременно похоже на предреволюционную Россию и на предфашистскую Германию. И как всегда у Набокова, не то это театральные декорации, не то действительно замок. Пуля убийцы в конце концов настигает профессора-короля-поэта, как настигла она отца Набокова.

Не менее загадочна волшебная страна Россия—Европа—Америка, куда Набоков переселил всех своих героев в романе «Ада», с ее водяными лифтами и какими-то клепсидрафонами. По сути дела, он верил только в одну реальность, имя которой воображение. Он изучал бабочек и

даже открыл неизвестный науке вид этих фантастических созданий Бога, более других существ похожих на ангелов. Однако безжалостная наука с психоанализом Зигмунда Фрейда вторглась и в это царство. Оказывается, и в своих фантазиях человек несвободен. И здесь господствуют какие-то нелепые законы, совершенно чуждые человеку. Полемизируя с Фрейдом почти в каждом романе, Набоков все же не мог уйти от одной и той же закономерности. В конце романа обязательно возникал убийца или самоубийца. И это был сам герой. То, что преступление гнездится в душе каждого человека, знал еще Достоевский. Набоков с этим не спорил. Он лишь отрицал, что можно найти какую-то разумную мотивировку совершенного преступления. В каждом человеке таится его двойник-убийца. Иногда он отделяется от своего носителя, и тогда героя убивает кто-то другой, а по сути дела, его двойник («Бледное пламя»). В других случаях убийца не покидает тело своего двойника, и тогда происходит самоубийство («Прозрачные вещи»).

В сомнамбулическом состоянии герой убивает свою возлюбленную, а потом, выйдя из сумасшедшего дома, он как загибнутый движется по следам своего преступления, пока не оказывается в том самом отеле, в том самом номере, где уже однажды задушил возлюбленную в припадке сомнамбулизма. Но на этот раз его поглощает пожар от умышленного поджога. Впрочем, не исключена возможность, что отель поджог сам герой.

Набоков глубже всех писателей XX века понял неотвратимость зла. Он сумел создать мир, где добра и зла просто нет. Есть человек с его поступками, неотличимыми от сонного наваждения. Его интересует не оценка поступка, а ход шахматного этюда. Причуды человеческой психики теперь коллекционируются писателем, как редкие виды бабочек, насаженных на булавку и усыпленных эфиром.

Мир освобожден от смысла, навязываемого человеком или Богом. Но он продолжает удивлять причудливостью интриги и разнообразием психологических миражей. Если бы Набоков был мистиком, его обрадовал бы сам факт иллюзорности всех реалий. Но писатель весьма далек от мистических увлечений века. Миражи интересуют его, как бабочки интересуют энтомолога. Он не изучает, а скорее коллекционирует причуды человеческой психики, не давая им никаких оценок со знаком «хорошо» или «плохо». Только прямолинейность и пошлость его шокируют. Все остальное в равной мере интересно или неинтересно.

В конце жизни все материальные вещи стали для писателя прозрачными, как бледное пламя свечи. Он сгорал сам и видел теперь, как, в сущности, сгорают любые вещи, даже самые материальные. Иногда пламя вырывается на поверхность, но это лишь в момент кульминации. Чаще вещи горят без видимых язычков пламени, пока не превратятся в ничто.

Последние романы Набокова похожи на прозрачные кальки, где вместо чертежных линий только отпечаток от рейсфедера. Чертеж остался где-то там, на грубой бумаге. На кальке остались лишь некие очертания прозрачных вещей.

То же самое произошло и с литературным сюжетом. Любый внимательный читатель, поглощающий «Аду», все время чувствует в романе призраки то «Войны и мира», то «Анны Карениной», то «Евгения Онегина», то всех романов Достоевского. Это какой-то летучий голландец русской литературы, весь заселенный призраками из классики. Может быть, проза Набокова и есть некий эллипсизм теней, где наконец-то обрели успокоение несметные сонмища героев русской литературы. Нет писателя более современного, чем Набоков, начисто отвергавшего всю современность.

Литературный успех совершенно не коснулся его последних вещей. Их вежливо прочли или не прочли и тотчас попытались забыть. Но не тут-то было.

Попробуйте забыть свой самый призрачный и самый фантастический сон. Ничего не получится. С легкостью забывается только банальная реальность. Фантастическое не забывается. Рано или поздно, пусть даже вытесненное на время, оно восстанет из подсознания и сотворит что-нибудь вроде пожара в отеле в «Прозрачных вещах». Поэтому лучше помнить.

Толстой открыл человека святого. Достоевский открыл человека грешного. Набоков открыл человека призрачного, который, как куколка, зреет в душе святого и грешного, но рано или поздно расправит крылья и вылетит, как бабочка, на свободу, оставляя далеко внизу свое земное гусеничное тельце. Чехов писал от лица Каштанки. Толстой — от лица коня Холстомера. Набоков переселился в бабочку, покидающую куколку своего земного тела.

Константин КЕДРОВ,
«Известия».

170